

Борис Поспелов

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Борис Пospelов

Рассказы о животных

«Издательские решения»

Поспелов Б.

Рассказы о животных / Б. Поспелов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966159-3

Увлекательные и забавные истории из жизни животных не должны оставить равнодушными читателей. Какая бы нелегкая судьба ни складывалась у наших четвероногих друзей, какие бы трудности ни пришлось им испытать и пережить — всегда рядом оказываются не безразличные к чужой беде люди. И благодарные животные отвечают добротой, вызывая у нас удивление от поступков, на которые они способны во имя любви и дружбы.

ISBN 978-5-44-966159-3

© Поспелов Б.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Мурка-разведчица	7
Преданное сердце	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рассказы о животных

Борис Пospelов

Иллюстратор Елена Пospelова

Корректор Яна Веретнова

© Борис Пospelов, 2019

© Елена Пospelова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6159-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Поспелов Борис, родился в г. Кургане. Закончил Свердловский юридический институт, работал следователем, адвокатом, федеральным судьей, в настоящее время преподаватель гражданского процесса в Курганском государственном университете. Автор книги сатирических рассказов и пьес «Случайный визит президента». Три пьесы автора стали финалистами международного литературного конкурса пьес «Время драмы».

Мурка-разведчица

Рассказ

Накануне своего девяностолетия дед Егор немного захандрил, и непонятно, что было причиной его грусти и уныния: задержавшаяся зима с ее холодами или обострение хронических болезней, а может, и сама жизнь, ставшая за последнее время сложной, противоречивой и во многом непонятной. Он включил радио, но от бешеного ритма агрессивной музыки заболела голова, и непроизвольно возникло желание прекратить всю эту какофонию. Телевизор тоже не успокоил, выплеснув очередную порцию негатива в виде информационных новостей.

«Ничего, – подбодрил себя дед Егор, – уже февраль на исходе, скоро весна, а там – майские праздники и самый желанный – День Победы! Встречусь с друзьями-ветеранами, вспомним прошлое. Эх, дожить бы...»

Под сердцем закололо – о себе напомним осколок разорвавшейся мины. Он как эхо прошедшей войны в последнее время все чаще напоминал о себе мучительной болью, не давая забыть те далекие времена, когда Егор совсем еще молодым парнем принял участие в одном из самых кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. Удалить осколок после ранения врачи не рискнули, учитывая близость его с сердцем, а теперь, когда такое стало возможным, этому препятствовал пожилой возраст и состояние здоровья ветерана.

Дед Егор принял таблетку и прилег на кровать, но лучше не стало: голова шла кругом, не хватало воздуха, и вдобавок ко всему появились слабость и тревожное чувство обреченности.

«Надо бы вызвать врача», – подумал он, пытаясь дотянуться до телефонной трубки, но сделать это не смог – нестерпимая боль в груди, усиливающаяся при малейшем движении, буквально сковывала тело. Дед Егор почувствовал, как его сознание проваливается в темноту, являя незапоминаемые картины странного неземного бытия, затем непонятно откуда промелькнули отрывочные мгновения прошедшей жизни. Еще недавно мучившая его боль притупилась, а тревога и беспокойство неожиданно рассеялись, словно их и не было совсем. Стало легко и спокойно. Сознание уносилось в неведомую даль, разрывая последние связи с внешним миром. И в этот момент дед Егор почувствовал, как ему в лицо уткнулись какие-то упругие волоски и что-то мокрое, холодное. Стало щекотно. Охватившее его несколько секунд назад странное немислимое состояние внезапно растворилось, и дед Егор ощутил реальность происходящего. Он открыл глаза и увидел на своей груди кошку Мурку. Касаясь его лица упругими усами и своим носом, она словно спрашивала: «Что с тобой?»

Почувствовав себя лучше, дед Егор приподнялся; он не понял, что помогло ему: действие лекарства или кошка, пытающаяся своим вниманием вернуть его из состояния забытья. В любом случае он пришел в себя, когда почувствовал рядом с собой Мурку. И это не было чем-то удивительным; кошка и раньше, когда ему нездоровилось, терлась головой о его ноги, а затем усаживалась на больное место или просто на колени и тарыхтела свою однотонную мелодию. И становилось легче: боль проходила, а нахлынувшая грусть исчезала – ну чем не доктор? У нее и шкурка на туловище была белая – словно медицинский халат, да и в завершение желаемого образа врача – добрый и спокойный взгляд.

Но кошка есть кошка; являясь по природе хищником, Мурка не забывала и о своих природных наклонностях. Дед Егор сам видел, как однажды в курятнике она не на жизнь, а на смерть схватилась с большой серой крысой. Он пришел уже под конец этой жестокой борьбы, услышав шум и возбужденный писк цыплят. Увиденное его поразило: кошка и крыса, сцепившись, катались по земле. Оскалившиеся зубы крысы выглядели устрашающе, и вообще ее агрессивный вид вызывал опасение за Мурку. Но на бесстрашную кошку это не оказы-

вало никакого воздействия. Не давая себя укусить, она когтями передних лап вцепилась крысе в голову; а когти ее задних лап буквально раздирали туловище серого хищника. Дед Егор схватил вилы, но остановился, боясь случайно попасть в Мурку, которая уже почти справилась с крысой. Единственное, чем он помог ей, – это вспугнул других крыс, спешивших на помощь своему сородичу. Похоже, одолеть кошку они намеревались стаей, и неизвестно чем закончилась бы эта схватка, не вмешайся дед Егор.

Глядя на раненого цыпленка, лежащего на земле, нетрудно было понять, что Мурка стала невольным свидетелем расправы над беззащитным птенцом. Увидев крысу, а возможно и стаю серых грызунов, она не побоялась вступить в смертельную схватку.

В этот момент крыса прекратила сопротивление, обмякла и перестала подавать признаки жизни.

Подойдя к Мурке, дед Егор увидел на ее передних лапах кровь. Не было сомнений, что победа над серым хищником далась ей нелегко. Оставив лежащую на земле крысу, кошка начала приводить себя в порядок, облизывая кровоточащие раны. Уже дома, оказав ей медицинскую помощь, дед Егор рассказал бабушке – так он называл свою жену Татьяну Федоровну – про смелый поступок Мурки, и здесь, совсем неожиданно, он вспомнил далекое прошлое. Мысли унеслись в 1942 год, в Сталинград, куда он совсем еще молодым парнем, но уже опытным бойцом был направлен для прохождения службы в войсковую разведку, где у разведчиков была кошка, и тоже – Мурка.

В ту далекую зиму непрерывно атакуемый врагом полумиллионный город представлял собой жуткое зрелище: частично или полностью разрушенные дома со стенами, испещренными пулями и осколками снарядов; на улицах – сгоревшие деревья, поваленные фонарные столбы, горы кирпича, железной арматуры, обломков плит и осколков стекла. На земле кровь, трупы погибших солдат и умерших от бомбовых ударов жителей города. И повсюду витающий в небе, невидимый, но остро ощущаемый дух смерти, навязывающий мысль, что сама по себе человеческая жизнь ничего не стоит, – она настолько хрупка, что может оборваться в любое мгновение. Нет, картины тех страшных дней дед Егор не забыл – их по-прежнему хранила его память.

Место, где дислоцировались разведчики, располагалось в здании бывшей столовой на территории завода, практически полностью разрушенного вражескими бомбардировками. Сохранились лишь отдельные здания цехов и административные одноэтажные корпуса, примыкавшие к проходной.

По территории завода проходила линия обороны. Здесь и предстояло воевать Егору. Вместе с другими бойцами он прибыл с противоположного берега Волги для выполнения специальных задач.

Егор зашел в штаб полка, где на полу у деревянной стойки гардероба лежали ящики с патронами; на лавке у стены оживленно беседовали бойцы. Рядом с ними на стуле сидела кошка, тщательно облизывая свою полосатую шкурку.

Егор доложил о прибытии и в ожидании вызова присел на свободный стул рядом с кошкой. Она отвлеклась от своего занятия и уставилась на Егора большими выразительными глазами. Что-то в ее взгляде ему показалось необычным: кругом война, где от боли и жестокости чувства притупились, – и вдруг такой добрый, полный наивности взгляд. Егор даже улыбнулся. Да и не только это подняло ему настроение и вызвало ответные нотки доброты – кошка, внимательно осмотрев его, решила, что Егору можно доверять, после чего по-дружески устроилась у него на коленях. Лаская кошку, Егор еще не знал, что ждет его на новом месте, но судьба уже сама распорядилась за него.

В один из дней ему предстояло проникнуть на вражескую территорию, чтобы узнать место скопления сил противника и его огневые точки, а потом полученные сведения срочно доставить в штаб. Однако сделать это было нелегко: в дневное время дорога постоянно простреливалась вражескими пулеметами и находилась под обстрелом снайперов.

Тогда Егор с удивлением узнал, что кошка, которую он встретил в штабе в день своего прибытия в часть, была настоящим разведчиком. Все звали ее Муркой. До войны она жила в заводской столовой, а когда там организовали штаб полка, то ее как-то само собой мобилизовали на службу. Она доставляла полученные разведчиками сведения в штаб, в место своего проживания. В радиусе трех-пяти километров от штаба кошка безошибочно ориентировалась на местности и с помощью своего природного чутья всегда возвращалась обратно, доставляя важные сведения. Они содержались в записке, закрепленной разведчиками на небольшом ошейнике из кожаного ремешка.

Мурка против этого не возражала, ответственно выполняя порученные ей задания. По большому счету она тоже воевала и внесла свой, пусть и небольшой, вклад в победу, оставшись малоизвестным участником Сталинградской битвы, унесшей жизни миллиона русских солдат.

После нескольких удачно выполненных операций кто-то из солдат в шутку прикрепил на ее небольшом кожаном ошейнике знак воинского звания в виде эмалевого треугольника, что соответствовало чину младшего сержанта. Хотя вряд ли Мурку интересовали воинские звания и знаки отличия – больше всего ей, не избалованной судьбой бродячей кошке, хотелось простого человеческого внимания, доброты и ласки. Можно было только догадываться, что пришлось ей пережить во время таких боевых операций, – ведь доставление сведений в штаб не являлось легкой прогулкой – это был трудный и полный опасностей путь, где ей встречались многочисленные враги – бродячие собаки. Голодные и одичавшие, они с громким лаем бросались на все, что двигалось. Для них кошки представляли основную добычу, поэтому Мурке порой приходилось скрываться и прятаться от собак в подвалах, пережидая возникшие опасности.

Один раз Мурка убежала от преследующей ее собаки, и в этот момент начался артобстрел. Такого грохота она не слышала никогда. Мурка неслась быстрее пули, но и преследующая ее собака не отставала. В какой-то момент она даже схватила ее зубами. Мурка почувствовала боль в задней лапе, но тогда у нее была единственная мысль – уйти от погони и выжить. Она заскочила на обрушившуюся железобетонную плиту, когда-то бывшую козырьком подъезда, и оказалась в относительной безопасности. Было морозно, но особо неприятны были холодный, пронизывающий ветер и грохот разрывающихся неподалеку снарядов, заставляющих каждый раз вздрагивать. Через несколько минут Мурка замерзла. Похоже, что и собаке стало зябко, так как она забежала в проем подвала, находящийся всего в двух метрах от обрушившейся плиты. Воспользовавшись отсутствием собаки, Мурка спустилась со своего укрытия и бросилась бежать, но неожиданно столкнулась с большой серой крысой. Откуда она появилась, было непонятно. Возможно, ее потревожила собака, забежавшая в подвал, а может, была еще какая-то причина. Оскалив страшную пасть, крыса, не сводя злых глаз с Мурки, начала пятиться в сторону дома, где ее за спину внезапно схватила собака, высунувшаяся из подвала. Выжить в этой схватке у крысы не было никаких шансов. Пока собака разбиралась с крысой, Мурка бросилась вдоль дома, перепрыгивая на ходу обломки кирпичей, камней и поваленных деревьев. Кругом был настоящий хаос: взрывы, яркие вспышки каких-то огней и невыносимый запах неприятной копоти. Снег, недавно выпавший, был грязно-серый и лишь в отдельных местах естественно чист. Пробегая по нему, Мурка инстинктивно хватала его зубами, пытаясь хоть немного утолить жажду. Останавливаться ей не давал страх. Следуя таким темпом, Мурка быстро добралась до штаба. Снимая с ошейника записку, дежурный офицер увидел у кошки рану на задней лапе и попросил санитара ее обработать. Хорошо еще, что укус собаки пришелся в мягкую ткань; если бы пострадала кость, все было бы намного хуже. И еще Мурка отморозила уши.

Прочитав записку, капитан даже присвистнул, оценив важность доставленных сведений. В ней были отмечены места, где находились танки и прочие представляющие интерес мобиль-

ные силы противника. Собирая эти данные, Егор проник на нейтральную территорию, где на крыше высотного дома в течение нескольких часов вел наблюдение за вражескими позициями. Отметив координаты важных целей, он отправил полученные сведения через Мурку в штаб.

Не прошло и часа, как начался массированный артиллерийский обстрел вражеских позиций. Реактивные «Катюши» били по обозначенным в записке местам, уничтожая технику и живую силу противника.

«Значит, Мурка дошла!» – радостно подумал Егор. В бинокль он увидел, как загорелись два стоящих танка, а затем вспыхнул находящийся поблизости склад с горючим. Обстрел еще продолжался, а Егор, решив, что немцам сейчас не до него, покинул свое укрытие. Обратный путь оказался безопасным, и примерно через полчаса он был уже в штабе. Егор глазами искал Мурку, но ее нигде не было. От дежурного он узнал, что кошка поранила лапу и отморозила уши. Ей хотели оказать медицинскую помощь, но в руки она не далась, а убежала и спряталась за ящиками с патронами. Только под вечер Мурка вылезла из своего укрытия. Она жалобно мяукала, чесала лапами уши и терлась ими о свернутое одеяло, лежащее на тумбочке. Егора она подпустила, и он осторожно смазал ей уши мазью, оставленной санитаром. Рану на лапе Егор обрабатывать не стал, так как она уже затянулась и кошку не беспокоила.

Процедуру лечения ушей Мурка переносила спокойно, проявляя явное безразличие к окружающим, словно показывая, что с ней поступили неправильно, устроив такое суровое испытание. Возможно, у нее был психологический надлом или стресс: она не реагировала на знаки внимания и пренебрегала лаской, а потом вообще отошла вглубь коридора и села ко всем спиной, выразив таким образом свое отношение к произошедшему случаю.

Егору было жалко кошку, но в то же время он понимал, что ей еще не раз придется пойти с ним в разведку. И если Егор знал, во имя чего он ежедневно рискует жизнью, то Мурка вряд ли понимала, зачем ее такую добрую, ласковую и нежную забрали на войну и подвергают тяжелым и страшным испытаниям.

Но, несмотря на все трудности и лишения, Мурка продолжала нести нелегкую службу. Доставив очередную записку в штаб, она подбегала к столу дежурного и мяукала, будто докладывала о выполненном задании, хотя на самом деле просила еду. Случайно наблюдающий эту картину командир дивизии был в немалой степени удивлен. Конечно, Мурка не знала устав и, минуя генерала, сразу подбежала к дежурному офицеру, но ей это было простительно. Тогда еще кто-то пошутил, что неплохо бы, если кошка, действуя по уставу, сначала бы подбежала к генералу, а уже потом к дежурному офицеру для передачи записки.

После полученного ранения и обморожения Мурка несколько дней отдохнула, а потом ее снова привлекли для выполнения очередного задания. Его целью было обнаружение огневых точек противника. Для этого в ночное время Егор незаметно проник на вражескую территорию, где в одном из разрушенных высотных домов занял удобное место для наблюдения. Мурка все время сидела в рюкзаке, высунув из него голову. Ей хотелось выбраться из него и пуститься в обратный путь, но приходилось ждать. Успокаивало то, что рядом был Егор, ласково теребивший ее за шкурку.

Вскоре наступило утро, и позиции врага стали видны как на ладони. Внимательно рассматривая их в бинокль, Егор обнаружил немецкую батарею и укрытые маскировочной сетью танки. Стало понятно, что враг накапливал резервы для дальнейшего наступления, намереваясь прорваться к Волге и опрокинуть русские войска в реку. Отметив в записке расположение вражеских объектов, Егор внезапно услышал выстрелы и увидел, как у одного из домов, находящегося примерно в двухстах метрах от него, начался бой: немцы пытались взять штурмом здание, но, получив отпор, отошли. Выстрелы стихли. Егор понял, что сопротивление врагу оказывают наши солдаты, попавшие в окружение. Он указал в записке дом, где шел бой,

и отправил Мурку в штаб; сам же стал ждать наступления темноты, чтобы под ее покровом незаметно вернуться обратно.

В доме Егор был в относительной безопасности, так как немцы без надобности не обследовали разрушенные здания. Кроме этого, в случае обнаружения Егор мог укрыться в расположенном неподалеку канализационном колодце. Он обследовал его ночью, обнаружив на расстоянии примерно пяти метров небольшое тупиковое ответвление влево размером в два квадратных метра, вполне пригодное для временного укрытия. В глубину колодца он не проник, но видел уходящий в темноту проход.

Был еще полдень. Устроившись у стены, Егор ждал наступления сумерек, как вдруг вновь услышал выстрелы и отголоски немецкой речи. Он выглянул в окно и увидел, что немцы, окружив плотным кольцом дом, начали атаку. В ответ прозвучали выстрелы. Один из вражеских солдат, пытаясь бросить в окно гранату, упал, сраженный пулей. Но несколько гранат фашистов попали в проемы окон. Послышались взрывы. Соппротивление в доме ослабло, но окончательно не прекратилось. Были слышны отдельные винтовочные выстрелы сопротивляющихся защитников. В какой-то момент Егор заметил, как к проему подвала, откуда велась стрельба, скрытно пробирается группа немецких солдат. У одного из них за спиной был какой-то бочок, а в руках длинное приспособление в виде металлической трубы. Подбравшись к подвалу, немецкий солдат направил в проем окна длинную струю пламени. Это был огнемёт; им фашисты начали сжигать сопротивляющихся солдат, направляя сильное пламя огня в подвалы и оконные проемы первого этажа, откуда еще продолжали звучать выстрелы.

Смотреть на это было настолько тяжело, что Егор, поддавшись эмоциям, вскинул автомат и прицелился. Он понимал, что этим обнаружит себя, но вынести подобное зрелище не мог.

Прозвучала короткая очередь, и пробитый пулями бачок огнемёта вспыхнул как факел, охватив огнем немецкого солдата. Подбежавший спасти его другой солдат получил от Егора несколько пуль в спину и упал рядом. Остальные немцы, не успев прийти в себя, застыли на месте и стали осматриваться по сторонам, пытаясь понять, откуда прозвучали выстрелы. А в это время к ним прилетела граната, брошенная защитником дома.

Раздался взрыв, и Егор увидел, как прижавшиеся к стене дома трое фашистских солдат упали на землю, сраженные разлетевшимися осколками. Штурм дома прекратился.

Егор понимал, что сейчас немцы начнут искать его, поэтому бросился к своему укрытию. Быстро отодвинув крышку, он юркнул в отверстие, закрыв за собой колодец. Затаившись, он услышал отдаленную немецкую речь. Вскоре все затихло, но еще не менее часа Егор находился в укрытии, прежде чем решил его покинуть. Потихоньку отодвинув крышку, он увидел удаляющиеся фигуры немецких солдат в серых шинелях. Егор осторожно стал закрывать колодец, как неожиданно примерно в десяти метрах от себя увидел немецкого офицера в кожаном плаще с белым меховым воротником. Он знаками давал указания солдатам, прочесывающим прилегающую территорию у соседнего дома. Заметив Егора, офицер громко прокричал что-то на немецком языке и начал стрелять в него из пистолета. Две пули попали в бетонную плиту, совсем рядом с Егором, но больше сделать выстрелов офицер не успел, так как, прошивший автоматной очередью, упал на землю. Стреляя, Егор непроизвольно поднял плечом крышку колодца, чем себя и обнаружил.

Услышав прозвучавшие выстрелы и увидев, откуда велась стрельба, немецкие солдаты бросились к колодцу. А Егор тем временем уже двигался на коленях по бетонному полу, стараясь как можно быстрее уйти с линии возможного поражения. Он понимал, что немцы, скорее всего, рисковать не будут и в колодец не полезут, но непременно бросят в него гранату.

Путь до небольшого ответвления внутри бетонного короба, где можно было затаиться, составлял не более пяти метров, и Егор преодолел его за несколько секунд. Едва он оказался в безопасном месте, как раздался мощный взрыв, оглушивший его так, что он даже не услышал звуки разлетевшихся по проему осколков. Один из них, отскочив от выступа стены, больно

кольнул в плечо. Ощущение было такое, что ударили ножом. Егор приготовился к обороне: достал две имеющиеся у него гранаты, запасной диск автомата и пистолет. Из-за взрыва гранаты он ничего не слышал; из ушей текла кровь, а плечо пронизывала сильная боль.

Но спускаться в колодец немцы не рискнули – они просто завалили его чем-то тяжелым, исключив возможность Егору самостоятельно из него выбраться.

Через час, когда все успокоилось, Егор возвратился к люку и попробовал его приподнять, но сделать это без посторонней помощи сверху оказалось невозможно. Выход ему закрыли, и теперь у него был единственный путь – уходящий в темноту проем, вдоль большой металлической трубы. Егор надеялся, что там, где-то впереди, обязательно должен быть выход. Такая мысль хотя и вселяла надежду, но не исключала и другой, неприятный для него вариант развития событий, если впереди был тупик. Тогда он оказывался в западне.

Только сейчас Егор осмыслил свои действия: открыв стрельбу, он поступил неправильно, так как не должен был выдавать себя, но, охваченный ненавистью к врагу, он не сдержался, и теперь за это приходилось расплачиваться. Да и потом он действовал неосмотрительно, когда открыл люк и столкнулся с вражеским офицером. Вполне мог бы подождать наступления темноты и в колодце.

«Хорошо еще, что успел выполнить задание и передать сведения в штаб», – успокаивал себя Егор, стараясь не думать о том, что ждет его впереди.

Возможности осмотреться вокруг у него не было: у фонарика разбились стекло и лампочка, а спички с собой Егор не носил, поэтому пришлось на ощупь ползти по бетонному коробу вдоль трубы. Примерно через полчаса он обнаружил в проеме ответвление вправо, что немного, но успокоило. Значит, появился шанс на спасение. Но это оказалось всего лишь небольшое тупиковое углубление, ведущее куда-то вниз. Егор бросил перед собой камень и услышал всплеск воды. Возвратившись обратно, Егор продолжил движение. Ему приходилось ползти по холодному бетонному полу, натываясь на камни и остатки арматуры. Оглушенный взрывом гранаты, он не слышал крысиного писка, а замерзшие пальцы не чувствовали прикосновения серых хищников; только один раз Егор ощутил сильную боль в ладони, поняв, что его укусила крыса, которую он случайно в движении прижал рукой. Егор инстинктивно одернул руку, взял камень и бросил его вперед, чтобы напугать отвратительных грызунов, и снова продолжил движение. Его пальцы и колени были изодраны в кровь, а раненое плечо и спину пронизывала нестерпимая боль; вдобавок ко всему навалилась сильная усталость. Егор чувствовал, что силы покидают его, но не сдавался: он продолжал двигаться вперед, преодолевая боль, холод и усталость.

Сколько прошло времени, Егор не знал, но внезапно он почувствовал, что проем расширился, – это был колодец. Он попробовал встать, но разогнуться во весь рост сразу не смог. Тело затекло. С большим трудом преодолевая боль, Егор выпрямился, а затем, забравшись по металлическим ступенькам, попробовал осторожно приподнять чугунную крышку люка. Она отодвинулась, и дневной свет заставил Егора зажмуриться. Вскоре глаза привыкли, и он осторожно осмотрелся по сторонам. Егор понял, что находится на нейтральной территории, совсем недалеко от наших позиций и штаба. От этого стало легче, и даже неизвестно откуда появились силы.

Егору вроде бы и повезло – он выбрался из своего заточения живым, но по пути в штаб удача отвернулась от него: Егор попал под артиллерийский обстрел и был найден лежащим на земле без сознания нашими бойцами, возвращающимися с задания.

Судьба хотя и устроила Егору суровое испытание, но все же была благосклонна к нему: несмотря на серьезное ранение в грудь, он выжил.

Егор тогда еще не знал, что в тот же день от взрыва вражеского снаряда пострадала и Мурка. С запиской на шее, ее случайно обнаружили разведчики. Присыпанная землей, она лежала на краю воронки, не подавая признаков жизни, вытянув в стороны передние и задние

лапы. Ее опознал один из разведчиков. Когда он снимал ошейник с запиской, то понял, что кошка еще живая. Мурку принесли в госпиталь, где санитар отказался ее принять, чем вызвал возмущение у доставивших ее солдат.

– Что значит не возьмешь? Ты знаешь, что она для нас значит? – вспыхнул один из разведчиков, хватая санитар за халат.

– Дайте мне кошку, – вмешалась в конфликт молодая медсестра, принимавшая раненых солдат.

– Татьяна, отдохни, ты уже вторые сутки на ногах, – произнес санитар, но девушка осторожно взяла кошку и унесла ее в помещение госпиталя. Разведчиков она успокоила, сообщив, что обязательно ей поможет – сразу, как только появится свободная минута. Свое слово девушка сдержала: освободившись, она оказала кошке медицинскую помощь.

Очнулась Мурка на следующий день. Вся израненная, с пятнами зеленки на голове и спине, с перевязанной передней лапой и отмороженными ушами, она целый день бродила по госпиталю.

Егор пришел в сознание на второй день после ранения. Увидев мелькнувшую в проеме открытой двери Мурку, он сначала не поверил своим глазам. Но когда кошка, прихрамывая, прошла обратно, он громко позвал ее. Услышав знакомый голос, Мурка замерла и осторожно заглянула в палату. Увидев Егора, она с поднятым хвостом, радостно урча, подошла к его кровати, запрыгнула на нее и стала ласкаться.

Рассказ Егора о подвигах Мурки вызвал у соседей по палате живой интерес. А вскоре молва о героической кошке облетела и весь госпиталь. Каждый раненый, если мог ходить, непременно хотел ее увидеть, угостить чем-нибудь вкусным, а то и просто погладить.

Наверное, жизнь была несправедлива к Мурке, ведь Егора за последнее выполненное задание наградили орденом, а ее, доставившую ценные сведения и получившую боевое ранение, оставили ни с чем. Да что говорить – ее даже в госпиталь не хотели принять.

Но не это было главным для Мурки. Здесь, в госпитале, у нее был друг и хозяин – Егор. Он с самой первой встречи показался ей каким-то своим, близким. До войны у нее тоже был друг – повар из заводской столовой. Он хорошо относился к ней: кормил, ласкал, а бывало, даже играл. Но потом, когда началось что-то невообразимое и ужасное – так Мурка представляла войну, – он и все работники столовой куда-то уехали на прибывшей за ними машине. И с тех пор Мурка осталась одна. И никому до нее не было дела, пока однажды ее не привлекли для выполнения специального задания. Чья это была идея, Мурка не знала, но с тех пор старалась выполнять все поручения, зачастую рискуя жизнью. Для нее, как и для людей, начавшаяся война была такой же страшной трагедией, изменившей ее жизнь и судьбу.

Днем у Мурки в госпитале были свои дела, и она где-то гуляла сама по себе; потом сидела на медицинском посту, где ее подкармливали раненые солдаты. А ночью, устроившись у Егора в ногах, она спокойно спала, свернувшись калачиком.

В соседней палате лежал раненый корреспондент военной газеты. Его заинтересовала история отважной кошки, и впоследствии он написал небольшой очерк о необычном четвероногом бойце. Правда, об этом Егор узнал уже после войны, получив от корреспондента письмо и вырезку из газеты.

В госпитале Егор провалялся целый месяц; неприятным известием для него стало решение военно-врачебной комиссии, признавшей его не только непригодным для военной службы, но и инвалидом со многими ограничениями, – и все из-за осколка, оставшегося рядом с сердцем. Удалить его тогда оказалось невозможно.

Так, в свои девятнадцать лет Егор стал инвалидом. Узнав об этом, он был в растерянности, не представляя свою дальнейшую жизнь. Врачи на его вопрос о последствиях ранения от прямого ответа уклонялись и только успокаивали, пытаясь вселить в него надежду на выздоровление. Вместе с тем установленная Егору инвалидность и серьезные ограничения, исклю-

чающие подвижный образ жизни, уже говорили сами за себя, вызывая тягостное ощущение внутреннего беспокойства. Егор осознал трагичность своего положения, и от этого его будущее казалось ему неопределенным и непредсказуемым.

В таком состоянии легко упасть духом и смириться с тяжелой участью, но Егор решил по-другому: жить дальше не отчаиваясь, пусть столько, сколько отмерит судьба. Это была победа воли над проявлением слабости, возникшей у него после известия об инвалидности. Егор понял, что в жизни не болезнь должна диктовать условия, а воля и сила духа.

Конечно, укрепиться в этом Егору помогли друзья, врачи и особенно медсестра по имени Татьяна. Ее впервые Егор увидел, очнувшись после ранения. Она тогда улыбнулась и вызвала врача, а потом, проявляя внимание и заботу, несколько дней ухаживала за ним. Впрочем, так она относилась ко всем раненым.

Общаясь с Татьяной, Егор узнал, что до войны она проживала в Смоленске и в первый месяц вражеских бомбардировок потеряла родителей. Ее эвакуировали в Подмосковье, где она окончила медицинские курсы и стала работать в госпитале, намереваясь в дальнейшем стать врачом.

Чем больше Егор общался с Татьяной, тем чаще ему хотелось ее видеть – даже просто быть рядом. И вроде обычная девушка, не красавица, а ведь тронула невидимые струны души Егора своей добротой и вниманием и стала для него особенной – единственной и неповторимой.

Конечно, Егор понимал причину своего душевного беспокойства, но признаться девушке в чувствах не решался. Кто он для нее? Простой инвалид с непредсказуемым будущим. При этом Егор не раз видел, как опытные и ловкие ухажеры, пытающиеся добиться внимания Татьяны, получали от ворот поворот.

Когда Егор поинтересовался у нее причиной такого отношения к мужскому вниманию, Татьяна на мгновение задумалась, а потом серьезно произнесла:

– Сейчас война, и не об этом надо думать.

Ее слова тогда крепко запали Егору в душу – так, что больше он эту тему не затрагивал, сдерживая свои чувства.

В один из вечеров они разговорились о будущем; возможно, Татьяна специально затеяла этот разговор, видя грустное настроение Егора. Он вначале ответил, что не знает, но потом как-то неуверенно выразил желание стать врачом, как и Татьяна. Разговор на общую тему привел к тому, что у Егора как бы сама собой возникла мысль – поступить в медицинский институт. А потом появилось ощущение, что это желание не случайное: оно и раньше было, но как бы дремало внутри, и вот, в результате простого и доверительного разговора оно проснулось и стало осознанным. Через несколько дней эта мысль укрепилась окончательно, вызвав в душе Егора необыкновенный подъем. Он уже ясно и вполне отчетливо представлял, чем будет заниматься дома, в родном Свердловске: учиться в медицинском институте. Сейчас еще февраль, и у него есть время для подготовки к экзаменам.

Эта мысль начисто выбросила из головы Егора остатки тревожного и волнительного состояния по поводу его будущего; ведь он обрел цель, а жизнь – обрела смысл, и теперь в его воображении складывались вполне определенные картины будущего, где он врач – востребованный и нужный людям специалист.

Мурка после ранения поправилась, но не совсем: хромота осталась, да и со слухом у нее из-за контузии возникли проблемы. Выписываясь из госпиталя, Егор уже точно знал, что забереет кошку с собой, ведь они вместе ходили в разведку и рисковали жизнью. Она стала ему четвероногим другом, а друзей бросать нельзя. Здесь на фронте это жизненное правило Егор усвоил четко, поэтому никаких других мыслей в отношении кошки у него не было и быть не могло.

Перед отъездом Егор по-дружески попрощался с Татьяной. Она совсем неожиданно для него попросила написать ей о поступлении им в медицинский институт, ведь ей тоже вскоре предстояло пройти подобное испытание. Что это было – признак внимания или проявление ее чуткости и доброжелательности, Егор так и не понял.

Через несколько часов мчавшийся поезд увозил его домой, в родной Свердловск; на коленях у него, свернувшись калачиком, лежала Мурка.

А Татьяна, попрощавшись с Егором, пошла в госпиталь. Вечером она поймала себя на мысли, что часто вспоминает Егора, ведь в госпитале, если представлялась такая возможность, они подолгу общались на разные темы, став за месяц знакомства ближе друг другу. Что говорить, Егор ей нравился, и однажды она чуть не ответила взаимностью на его робкую попытку признаться ей в чувствах. Татьяна тогда все поняла, но зачем-то остановила Егора, объяснив, что идет война и не до отношений. Но сейчас, с его отъездом, она явно ощутила потерю чего-то значимого и важного в ее жизни. Война забрала у нее всех близких, а теперь она потеряла еще и Егора – человека, ставшего ей небезразличным. От всего этого у нее на глазах навернулись слезы.

А Егор приехал в Свердловск. Родители были счастливы, что сын вернулся с фронта, с боевыми наградами. Конечно, их огорчило его состояние здоровья, но, с другой стороны, радовало то, что сын рядом с ними и живой. А еще они заметили, как он повзрослел и изменился; у него появилось желание учиться. Егор ходил в медицинский институт, где поступил на подготовительные курсы. Он часто вспоминал Татьяну и в один из вечеров написал ей письмо о своей жизни и учебе, хотел еще признаться в чувствах, но не решился. Об этом он написал ей в следующем письме.

Тогда Егор еще не знал, что, затерявшись во фронтовой суете, первое письмо до Татьяны не дойдет, а второе письмо, с его откровениями, она получить не успеет, так как сама приедет поступать в медицинский институт. О выборе места учебы у нее вопрос не стоял – в Свердловск!

«Зачем так далеко?» – провозжая ее, спрашивали коллеги.

«Я не знаю!» – отвечала она, но ее выдавали блеск глаз и наполненная счастьем улыбка, давая понять, что это неспроста.

А дальше Татьяна и Егор встретились, вместе учились, поженились, работали врачами и прожили долгую и счастливую жизнь. Хотя почему прожили? Они и сейчас живут.

Жаль только, что Мурка из-за полученных боевых ранений прожила всего несколько лет. Но нынешняя ее далекая родственница – тоже Мурка – в полном здравии. И пусть она другой окраски, но такая же добрая и ласковая и в то же время – боевая.

После войны знакомый корреспондент газеты прислал Егору вырезку из газеты о Мурке. В ней сообщалось, что английский журнал «Тайм» высоко оценил ее вклад в борьбу с врагом, указав, что бродячая кошка, помогая разведчикам, относила записки с важными сведениями, позволяя не рисковать жизнями людей. В заключение известный журнал отмечал: «Она показала себя достойным защитником Сталинграда, и нельзя не дать высшую оценку таким действиям, будь то кошка или человек».

«Вот и вся история!» – подумал дед Егор, лаская лежащую у него на коленях довольную Мурку.

Преданное сердце Рассказ

Погода в начале июня выдалась ненастная: непрерывный, то морозящий, то льющий сильным потоком дождь и колючий, пронизывающий холодом ветер. Все это создавало грустную и печальную картину; казалось, что лето, несмотря на очевидное наступление по календарю, все еще блуждает где-то в пути, упорно не желая вступать в свои права. И только люди вносили в эту унылую окружающую действительность хоть какое-то оживление. Наиболее активна была молодежь: несмотря на затянувшееся ненастье, на улице слышался веселый смех молодых людей, перепрыгивающих лужи и ручьи. А когда прыжки заканчивались неудачей, то смех, созвучно перемешиваясь со звонким девичьим визгом, наполнял все вокруг какой-то доброй положительной энергией, вызывая улыбки у находящихся поблизости людей.

Идти в сильный дождь решались немногие, в большинстве своем люди пережидали его на остановке общественного транспорта, и только самые отчаянные и нетерпеливые после прихода очередного маршрутного автобуса бросались врассыпную к находящимся поблизости жилым домам. Среди них был и Максим – курсант военного училища. Он учился на последнем курсе и имел право жить не в казарме, а в обычном жилом доме, что давало ему определенные преимущества: отсутствие казарменной суеты, утренних и вечерних проверок, нарядов и прочих невидимых постороннему взгляду забот, хлопот и тягот военной службы. За чисто символическую плату здесь в поселке у одинокой бабушки он снимал небольшую комнату в старом деревянном доме. Бабушку это устраивало; единственное, о чем она просила Максима, это помочь принести ей воду да по весне вскопать небольшой огород. Для молодого здорового парня это не было обременительной просьбой, более того, помимо вспаханного огорода, он исправил и ветхий забор, изрядно покосившийся после снежной зимы.

Дом находился недалеко от остановки, и Максим не стал пережидать дождь. Прикрывая лицо рукой от неприятно хлеставших капель дождя, он быстрым шагом направился к дому по узкой дорожке вдоль бетонного забора, ограждающего территорию военного училища. Обходя очередную лужу, Максим непроизвольно остановил взгляд на сидевшем у забора маленьком котенке, непонятно как оказавшемся в этом безлюдном месте. Промокший, он жалобно мяукал и отчаянно зывал к помощи. Увидев, что на него обратили внимание, котенок подбежал к Максиму, привстал на задние лапы, а передними попытался вскарабкаться вверх по его брюкам. Но эти скользкие движения были безуспешными.

Максим понимал, что оставить маленького котенка в этом месте значит обречь его на верную гибель: от холода, голода или от бродячих собак, поэтому, не раздумывая, взял дрожащего от холода котенка в руки. Тот же только этого и ждал: сразу успокоился и не спеша стал моститься на теплых ладонях.

Окрас его пушистой шерсти имел всего два цвета: белый и серый – вроде бы ничего особенного. Однако необычным казалось сочетание этих цветов: белые мордочка, хвост и аккуратный воротничок на груди, а все остальное – разные серые полутона. При этом белый цвет отличался яркой белизной, свидетельствующей о наличии в его родословной породистых предков.

«Куда я с ним? – подумал Максим. – Но, с другой стороны, и здесь его оставлять нельзя. Отнесу домой, а там видно будет, – решил про себя Максим. – Хотя у бабушки уже есть кот Яшка, но он как бродяга, дома почти не бывает, вечно где-то болтается, постоянно исцарапанный».

Егор сравнивал кота Яшку с воином, возвращающимся в родной дом, чтобы залечить раны и обрести силы после ночных боев с такими же котами. Правда в этих битвах Яшка не преследовал полезных для хозяйки целей – его борьба сводилась к тому, чтобы разогнать

других котов, постоянно толпившихся у окон соседского дома, где жила кошка Джина, к которой и сам Яшка был равнодушен.

Через несколько минут Максим подошел к дому.

«Все объясню бабушке – она поймет. А дальше что-нибудь придумаю», – успокоил себя Максим, входя в калитку.

Увидев симпатичного котенка и узнав его историю, бабушка сразу же прониклась жалостью к маленькому беззащитному существу и даже предложила оставить его дома. Таким образом, проблема дальнейшего проживания котенка решилась сама собой.

– А как мы его назовем? – спросила она.

– Пусть будет – Васька, – немного подумав, ответил Максим.

На этом и решили. Так у котенка сразу появился дом, хозяева и свое имя. Он довольно быстро освоился и оказался вполне послушным. Конечно, в силу возраста Васька любил пошалить, но все его проделки не приносили какого-либо ущерба имуществу, что особенно радовало бабушку. Он то гонял по коридору маленький резиновый мяч, то играл с пластмассовой мышью, купленной ему Максимом, и только однажды, пытаясь поймать муху, уронил горшок с цветами с подоконника.

Но в целом, не доставляя хозяевам особых хлопот, Васька быстро разобрался, что можно, а что нельзя, и в дальнейшем старался придерживаться установленных для него правил проживания.

Его встреча с котом Яшкой была напряженной. Увидев котенка, старый кот распушил хвост и замер, оценивая глазами нового жильца. Васька же, прижав уши и приняв воинственную позу, совсем не по-детски, угрожающе зашипел. Но Яшка и не думал с ним связываться. Непонятно, что убедило его в этом: нежелание обижать малыша или веник в руке бабушки, воспитательный эффект которого ему был прекрасно известен, но вывод кот сделал правильный. Когда Яшка был таким же маленьким котенком, ему частенько доставалось веником за его проделки: за разбитую посуду, поцарапанные обои, оторванную гардину. Поэтому, не проявляя агрессии, кот запрыгнул на печку, откуда внимательно стал наблюдать за новым жильцом.

Вместе с тем уже к вечеру между котами установилось согласие, а через несколько дней возникли и более тесные, дружеские отношения.

Было интересно наблюдать, как Васька, прижав уши и выгнув спину, с поднятым вверх хвостиком, прыгал вокруг кота, как маленькая лошадка. А потом нападал на старшего друга, пытаясь обхватить его голову передними лапами, или слегка кусал и тянул за хвост. До поры до времени Яшка все это терпел, а когда надоедало, он в поисках спокойствия запрыгивал на печку, в недостижимое для котенка место.

Любил Васька играть и с Максимом. И игра вроде простая – охота за бумажным бантиком, привязанным за нитку, но для котенка это было интересным и увлекательным занятием. Он как заведенный носился за постоянно ускользающим от него клочком бумаги, не в силах его поймать, а набегавшись, запрыгивал к Максиму на колени, где, уютно устроившись, тихо дремал.

Время шло, Васька подрастал, и через год он превратился в красивого пушистого кота, не уступающего по размерам и силе своему старшему другу – коту Яшке. Только они были разными, как две противоположности: один – бесшабашный уличный бродяга, гуляющий сам по себе и принимающий все как должное, а второй – ласковый и послушный, ценивший дом и своих хозяев.

К этому времени закончилась и учеба Максима. По результатам успешно сданных экзаменов ему было присвоено воинское звание – лейтенант – и выдано предписание для прохождения службы в одной из войсковых частей Новосибирской области, где в период учебы он был на стажировке. Тогда его впечатлила природа этого сурового края, ее мощь и неповтори-

мое очарование. Не служба, а курорт, только дикий, не особо обустроенный и без прелестей цивилизации.

Когда дома в Екатеринбурге Максим рассказал родителям о месте предстоящей службы, то мать немного заволновалась, а отец, наоборот, был доволен. Он даже сказал, что с радостью уехал бы из шумного и суетливого мегаполиса в такое глухое и отдаленное место. Максим, конечно, воспринял это с улыбкой. Для него, молодого парня двадцати трех лет, помимо красивой природы, важным было и другое – то, о чем больше всего волновалась мать. То ли в шутку, то ли всерьез, она грустно воскликнула:

– А где он там, в лесу жену-то найдет? Ему семья нужна и супруга хорошая, которая бы делила с ним тяготы и лишения военной службы.

– А мужик, он и в тридцать лет мужик, да и в сорок еще порох есть, – весело отвечал ей отец, – главное служба! А невеста найдется. И пусть не торопится, а то схватит второпях первую попавшуюся и будет потом локти кусать всю жизнь!

В общем, все родственники, с которыми Максим встречался перед отъездом на службу, давали ему самые разные советы, порой абсолютно противоположные, поэтому, подытожив их, он решил относиться к этому философски: всему свое время, придет оно, и встретит он свою любовь – единственную и неповторимую. Ведь он еще молод, недурен собой, а главное – уже устроен в жизни, а это – неплохой фундамент для будущего, которое он прочно связывал со службой в армии.

В эти дни Максим испытывал двоякое чувство: с одной стороны – радость от окончания учебы, а с другой – грусть от расставания с преподавателями, друзьями и военным училищем, где он учился пять лет. Омрачала его состояние и предстоящая разлука с котом Васькой, поэтому Максим искал выход из этой, как ему казалось, сложной жизненной ситуации, но подходящего варианта не находил. С собой взять кота он не мог, по крайней мере, сразу, так как неизвестно где и в каких условиях ему предстояло жить в первое время. Поэтому, поговорив с бабушкой, Максим решил оставить Ваську у нее, надеясь, что кот погрустит немного, а со временем о нем забудет. Бабушка против этого не возражала.

А Васька, казалось, чувствовал предстоящую разлуку. Дома он не отходил от Максима, как будто боялся потерять своего хозяина навсегда.

«Мы отвечаем за тех, кого приручили», – эта мысль, словно заноза сидела в голове Максима, не давая ему уснуть в последнюю ночь перед отъездом.

«Я заберу тебя, – твердо решил он, лаская кота, – ты подожди немного. Как только устроюсь на новом месте, я обязательно приеду за тобой».

Прошла неделя, как уехал Максим. Васька за это время заметно погрустнел и редко выходил на улицу. Он почти все время лежал на подоконнике, глядя в ожидании хозяина на знакомую калитку.

А в один из дней позвонил Максим, и Васька, сидевший рядом с бабушкой, услышал из черной телефонной трубки его голос, доносившийся откуда-то издалека. Что говорил Максим, кот, конечно же, не понял, однако его голос, такой близкий и в то же время какой-то далекий, узнал сразу. В нем слышались все те же добрые и ласковые интонации, которые по-прежнему хранила его память. Единственное, что сделал Васька, это мяукнул в телефонную трубку – туда, откуда доносился знакомый ему голос. Казалось, что в этом странном диалоге между котом и человеком главными были не слова и звуки, а переживаемые ими чувства: у Васьки – преданность, верность и благодарность к своему хозяину, а у Максима – любовь и привязанность к доброму и ласковому зверьку.

Из разговора Максима с бабушкой следовало, что он начал службу в войсковой части, расположенной в Новосибирской области, недалеко от границы с Казахстаном. Ему в военном городке выделили отдельную квартиру, и в ближайшее время он хотел приехать и забрать кота.

Вряд ли Максим тогда мог представить, что эта поездка по независимым от него причинам не состоится. Позвонив накануне своего отъезда бабушке, он услышал печальное известие, что кот куда-то пропал. Бабушка искала его повсюду: около дома, в районе военного училища, на окраинах поселка, но Васьки нигде не было. В голову лезли разные мысли о причине пропажи кота, но даже самое богатое воображение не могло представить истинной причины его исчезновения.

А Васька, оказывается, не пропал. Услышав в телефонной трубке знакомый голос, он решил, что Максим не исчез, а находится где-то в другом месте и по-прежнему помнит о нем. И если после отъезда Максима кот был в растерянности, то теперь, под влиянием услышанного голоса хозяина, он преобразился. Какое-то внутреннее чувство подсказало коту, что он должен найти Максима, и оно же указало направление поиска. Планировал ли Васька свой побег и готовился ли к нему – неизвестно; скорее всего, помучился, пострадал, да и в один из июльских дней сорвался в этот далекий и полный опасностей путь.

Первый день путешествия прошел удачно. Кот бежал вдоль автомобильной трассы по обочине, иногда по защитной лесополосе. На пути следования ему попались два пригородных кафе, где в одном какая-то женщина поделилась с ним пирогом с мясом, а в другом мужчина бросил ему небольшой кусочек шашлыка. На следующий день дорога была пустынной, поэтому Васька остался голодным. На третий день ему удалось поймать небольшую раненую птицу и хоть немного утолить начавший мучить его голод.

Через три недели Васька выглядел изможденным, но это несколько не убавило его решимости найти хозяина. Он днем и ночью продолжал свой путь, поэтому вскоре у него заболели лапы, а подушечки на них стали кровоточить. Но постепенно раны зажили, а боль притупилась.

Теперь у Васьки была совсем другая жизнь, представляющая собой сплошную цепь самых разнообразных жизненных событий, и они, словно в калейдоскопе, непрерывно следуя друг за другом, требовали постоянной бдительности и осторожности. Ему приходилось самому заботиться о себе: добывать еду, искать место для ночлега, защищать себя от врагов и спасаться от них.

Особое беспокойство ему доставляли собаки. Одна укусила его за заднюю лапу, когда он ел кусок пирога, оставленный посетителем придорожного кафе. Рана оказалась несерьезной и препятствием на пути не стала. Другая большая собака едва не схватила Ваську за спину, и он чудом избежал тяжелой травмы, успев запрыгнуть на дерево. Только через несколько часов, когда собака убежала, он продолжил свой путь, став после этого более осторожным.

Людам кот привык доверять, но вскоре понял, что они разные: некоторые угощали его едой и говорили ласковые слова, а другие – могли обидеть, причем просто так, без всякой причины.

Так, однажды Васька сидел недалеко от пригородного кафе, и проходящие мимо подростки внезапно схватили его; привязав к хвосту железную банку, они стали бросать в него камни. Убегая от них, Васька слышал сзади непонятный пугающий звук; казалось, что за ним кто-то гонится и вот-вот должен схватить. От страха он забился в траву у забора одного из домов. Его сердце истошно колотилось, а глаза округлились. К счастью, проходивший мимо какой-то мужчина, наблюдавший эту картину беспричинной жестокости, не остался безучастным к судьбе незащитного животного. Погрозив подросткам кулаком, он достал из рюкзака несколько карасей и положил их недалеко от кота. Это был рыбак, возвращающийся с рыбалки; своим видом он располагал к себе и внушал доверие, поэтому, успокоившись, Васька осторожно подошел к рыбе. Голод дал о себе знать и, поверив в доброту намерений своего спасителя, кот набросился на еду. Пока он ел, мужчина осторожно отвязал железную банку, погладил кота и пошел дальше своей дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.